

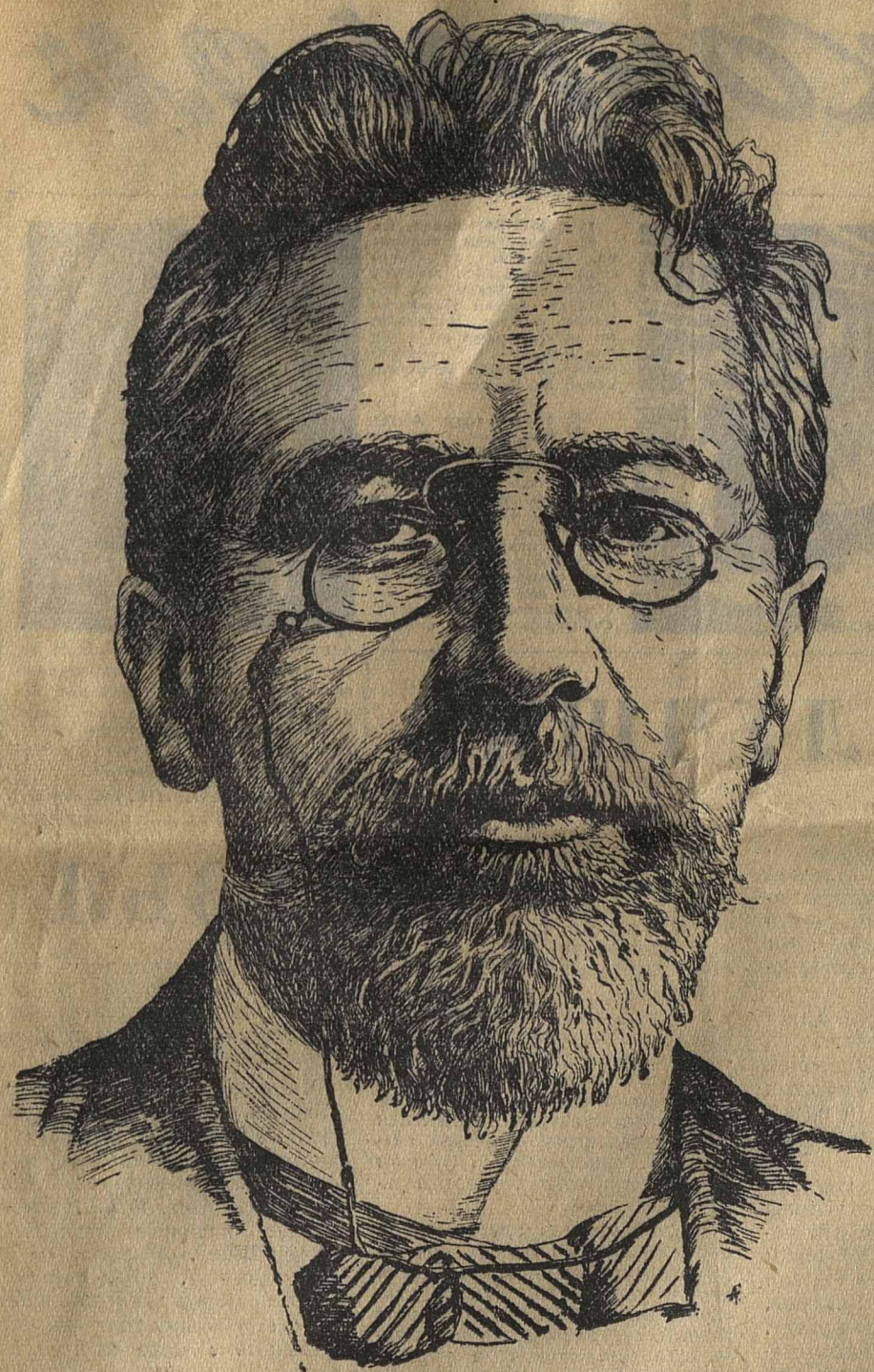

Рис. А. ИЛЬИЧЕВА

Литература и ЖИЗНЬ

Орган правления Союза писателей РСФСР

№ 13 (283)
Год издания 2-й

Пятница, 29 января 1960 г.

Цена 40 коп.

Сегодня
столетие
со дня рождения
Антон Павловича
ЧЕХОВА

...ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОТОМУ И НАЗЫВАЕТСЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ, ЧТО РИСУЕТ ЖИЗНЬ ТАКОЮ, КАКОВА ОНА ЕСТЬ НА САМОМ ДЕЛЕ. ЕЕ НАЗНАЧЕНИЕ — ПРАВДА БЕЗУСЛОВНАЯ И ЧЕСТНАЯ.

А. П. ЧЕХОВ

ГЕНИЙ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В ДНИ, когда весь мир отмечает столетие со дня рождения А. П. Чехова, как-то по-особому затуманивается над вопросом: чем близок Чехов людям нашей эпохи, чем дорог нам великий русский писатель?

И вспоминается все, что о нем написано за многие годы. Писали о Чехове много и разно... Все человечество давно уже видит в Чехове гения русской и всей мировой литературы. Но все еще остаются сбивчивыми представления о том, чем он обогатил мировую литературу, какой вклад внес в художественное развитие человечества.

Наша отечественная литературно-критическая мысль прошла через целый ряд этапов в своем отношении к Чехову. В настоящее время в советской науке о литературе характерно стремление определить закономерность всего мирового литературного процесса и одновременно постигнуть тайны формирования выдающихся художественных индивидуальностей. Но на изучении Чехова эти новые тенденции в советском литературоведении еще не сказались во всей своей полноте. Между тем популярность Чехова громадна, и все растущий интерес современного читателя к его творчеству ежедневно требует ответа на этот закономерный вопрос.

Известно, какой любовью в нашей стране и у всех людей доброй воли пользуются деятели освободительного движения — предшественники русской социал-демократии. Роль их в развитии русской культуры чрезвычайно важна, — бесспорно, и Чехов испытал несомненное влияние их на свое творчество. Но в оценке творчества Чехова нам до сих пор еще не удалось освободиться от предвзятой схемы, от некоторых укоренившихся, даже окансальных традиций.

У нас много и правильно говорят о полезности традиций. Но, однако, не нужно забывать, что порой традиции приходится ломать самым решительным образом. И все-таки от кого Чехов берет свою «словоупотребительную»? Едва ли этот вопрос поможет разобраться в существе творчества Чехова. Этому мешают бытующие традиции, которые в основном отвлекают и уводят от изучения творчества великого русского писателя. Я не против того, чтобы изучать проблемы литературных традиций, но я за то, чтобы познать направление того или иного писателя в свете потребностей самой общественно-исторической жизни.

Чехова можно понять, только погружившись в самого Чехова, в русскую жизнь, какой она выступала на страницах его произведений. Словом, побольше самого Чехова, когда мы говорим об Антоне Павловиче. Начать разговор нужно, мне кажется, с чеховских героев. Что

они за люди? Как к ним относятся автор, их создатель?

Всегда скромно оценивая свою литературную работу, Чехов настойчиво подчеркивал мысль о том, что его герои являются новыми в русской литературе и никем еще не тронутыми. Самые лучшие из людей, изображенных Чеховым, резкой гранью отделены от центрального героя русского реалистического романа.

Чехов — преемник и продолжатель традиций великих русских романистов. Это может показаться удивительным, если вспомнить, что Чехов никогда не написал ни одного романа. Он также не создал героя, которого можно было бы поставить в один ряд с героями Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого. То были большие люди, а Чехов сделал героем среднего человека. И здесь дело не только, пожалуй, в индивидуальных особенностях таланта Чехова, пришедшего в литературу, когда уже заканчивалась золотая пора в истории русского романа. Его расцвет приходится на период с двадцатых до начала восьмидесятых годов прошлого столетия. За эти пятьдесят с лишним лет были написаны классиками все великие русские романы, исключая «Воскресение» Толстого.

Чехов вошел в русскую литературу в то время, когда рождалась сдвиг демократии, когда угасло движение народников. Антон Павлович гениально предвидел будущее, он чувствовал его своим большим сердцем. И только этим можно объяснить, что он стал продолжателем гуманных традиций своих великих предшественников.

Народ не может жить без идеалов. Идеалы народников сами по себе перестали увлекать за собой массы, все больше и больше умов волновали молодые идеи марксизма, ставшие закономерным творческим развитием бытовавших в передовых кругах демократических идеалов.

Открылись две возможности демократической мысли: одна простая, спокойная — уход в либерализм, и другая — новый путь развития, все больше и больше вовлекающий человеческие массы в участие в дальнейшем развитии демократических идей. Среднему человеку был ближе второй путь. Ближе его духовному строю, его сознанию. И вот Чехов с присущей ему бережной человечностью, со свойственным ему умением проникать в самый сокровенный мир переживания маленького человека показывал первые ростки того нового, к которому шли люди его времени. Существуют представления, что

Чехов изображал людей слабых, пришибленных жизнью, ущемленных невзгодами. Но великий русский писатель умел находить у слабых людей, у людей, искалеченных жизнью, зачатки силы, прямоты большого мужества, зерна грядущего подвига. Хотя чеховский герой по содержанию своей духовной жизни не может стоять вровень с теми, кто был лучшими героями в произведениях его великих предшественников, чеховский идеал человека соответствовал всему духу русской классической литературы и был созвучен новой эпохе.

Жизнь в мире слабых, Чехов силой великого провидца усмотрел в них хорошее. Вспомните рассказ «Моя жизнь». Как там ярко показано стремление к лучшему будущему, к свободе.

Антон Павлович Чехов — это героический писатель. Учиться писать у Чехова — это значит учиться умению описывать в людях лучшее, красивое.

Дело не только в том, что Чехов создал свой язык, свою короткую емкую фразу, внутренний ритм речи, но главным образом в том, что он глубоко проник в сознание человека, заставляя и его самого быть лучше и искать в людях лучшее. Почти все герои Чехова тянутся к внутренней правде, и даже те из них, кто лишен личного счастья, верят в неизбежность торжества этой правды.

Творчество Чехова — глубоко гуманистическое творчество. Чехов учит, при этом ненавязчиво, что человек создан для счастливой гармонической жизни; и если его герои и не удаются дожить до этой жизни — до нее доживают их дети и внуки. Некоторые критики искажали в свое время характер творчества Чехова, представляя его пессимистическим, сумеречным, может быть, потому, что одна из ранних книг Чехова называлась «В сумерках». Но Чехов назвал ее так именно потому, что предвидел рассвет, призывал к победе над сумерками, к пересчитыванию его книги, всегда дивящихся их оптимистичности, с-

...Чехов... один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем... Россия... долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещенным яростной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пропитанным глубоким знанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям; не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает.

Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда, как основателя культуры, так глубоко и восторженно, как Антон Павлович. Это выразилось у него во всех мелочах домашнего обихода, в подборе вещей и в той благородной любви к вещам, которая, совершенно исключая стремление накапливать их, не устают любоваться ими как продуктом творчества дела человеческого. Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда. С какой трогательной заботой наблюдал он, как в саду его растут посаженные им плодовые деревья и декоративные кустарники! В хлопотах о постройке дома в Аукте он говорил:

— Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша.

М. ГОРЬКИЙ

Язык Чехова определен, как «здравствуйте», прост, как «дайте стакан чаю».

В способе же выражения мысли сжатого маленького рассказа уже пробивается спешащий крик грядущего: «Экономия!»

Вот эти-то новые формы выражения мысли, этот-то верный подход к настоящим задачам искусства дают право говорить о Чехове, как о мастере слова.

В. МАЯКОВСКИЙ

НЕ БО В АЛМАЗАХ

Занесенные снегом усадьбы...
Необычайность российских полей,
полюбования,
крестники
и свидания,
и ночные шаги сторожей...

Чей-то песни разлила соловьиный
над прозрачной ильинской рекой,
освященный знакомой, старинной,
ненастным русской тоской.

Захлюстает уездной больницы,
щиплют козы у почты траву...
Раугус девушки в битву,
в столицу,
к неизведанным далям,
в Москву...

И встанет, как волшебные клады,
за простором раскинувшись не —
лес в сиянии росы и радуги
и поля созревающих нив...

Это — темное небо в алмазах...
Утро жизни в вишневом саду,
клепкий листик весеннего вяза
и чудесная вера в мечту!

Берега в золотистом закате
и могучие ветры степей
нарисует любящий писатель
беспредельной России мое!

Р. КРАСИЛЬЩИКОВА

ЧЕХОВ — ЭТО ПУШКИН В ПРОЗЕ

ЧЕХОВ — писатель необычайной силы в смысле своего воздействия на последующее поколение писателей. Можно без преувеличения сказать, что вся мировая проза двадцатого века в той или иной степени испытала на себе воздействие Чехова и лучше, что есть в этой прозе, носит на себе благотворные следы чеховского влияния.

Дело не только в том, что Чехов создал свой язык, свою короткую емкую фразу, внутренний ритм речи, но главным образом в том, что он глубоко проник в сознание человека, заставляя и его самого быть лучше и искать в людях лучшее. Почти все герои Чехова тянутся к внутренней правде, и даже те из них, кто лишен личного счастья, верят в неизбежность торжества этой правды.

Творчество Чехова — глубоко гуманистическое творчество. Чехов учит, при этом ненавязчиво, что человек создан для счастливой гармонической жизни; и если его герои и не удаются дожить до этой жизни — до нее доживают их дети и внуки. Некоторые критики искажали в свое время характер творчества Чехова, представляя его пессимистическим, сумеречным, может быть, потому, что одна из ранних книг Чехова называлась «В сумерках». Но Чехов назвал ее так именно потому, что предвидел рассвет, призывал к победе над сумерками, к пересчитыванию его книги, всегда дивящихся их оптимистичности, с-

На меня влияют все хорошие писатели. Каждый по-своему хорош. Вот, например, Чехов. Казалось бы, что общего между мной и Чеховым? Однако и Чехов влияет. И вся беда моя и многих других в том, что влияют еще на нас мало...

Чехов никогда не выпускал полуфабрикатов. И брака у него не найдешь.

1937 г.

М. ШОЛОХОВ

де их внутреннего света, уверенности в конечном торжестве жизни.

Обычно, когда отмечается тот или иной юбилей, забываешь, что не все когда-то совершенно в творчестве писателя. Для Чехова в этом смысле не делается никакого послабления. Чехов — великом, каждой своей строкой, достоин всенародно признания, он ни разу не покривил душой, не ушел в сторону, не обманывал приемами своего мастерства в ущерб глубокой идее любой его вещи, как бы ни была она мала по своим размерам. Мы говорим поэтому — наш Чехов с тем же чувством, с каким называем нашим все сроднившиеся, определяющее путь каждого из нас, вошедшее в нашу жизнь, наполняющее ее.

Чудесная судьба остаться в народном сознании, как это выпало на долю Чехова, и как хорошо, что и вся жизнь Чехова со всем ее общественным служением находилась в полной гармонии с его победоносным творчеством.

Вл. ЛИНД

В номере нашей газеты за 13 января с. г. напечатаны заметки Леонида Леонова о красоте труда. Они вызвали множество читательских откликов. Сегодня, в день столетия Чехова, мы публикуем один из откликов, памятуя о том, что Чехов говорил: «В человеке все должно быть прекрасно». А радость труда — самое прекрасное в человеке.

Дорогой и уважаемый товарищ Леонид!

Вопрос об эстетике труда, которого вы коснулись в своей статье, еще больше укрепил во мне любовь к вам. Я почувствовал, что вы не только друг русского леса — но и русского Левши!

Несколько лет назад я был приглашен в одну из средних школ преподавать трудовые навыки ученикам. Сразу же, как только я пришел в школу и ребята поверили, наконец, что им доставят-таки удовольствие трудиться, мастерить, меня засыпали вопросами: «Где будет наша мастерская?», «А принесете ли вы нам инструмент?», «А будут ли у нас станки, машинки?», «Что мы будем делать?», «Когда?», «Как?». Спрашивали и ученики младших классов, и даже девочки!

Директор школы, провожая меня первый раз в класс для проведения вводного урока, просил как можно больше заинтересовать ребят. Любя труд и прикладные ремесла, я старался оправдать чаяния директора. Мало оказалось времени для этого урока. Ребятам любопытно было узнать, что металлург Чернышев своими руками делал удивительные скрипки, а садовод Мичурин был хорошим часовщиком. Меня спрашивали: «А вы умеете делать вот то-то?». Отвечая: «Умею». «А ножик вы сумеете сделать?». «А радиоприемник мы будем делать?». Этим «будем» будущее не было бы концом, если бы в нужный момент я не нашелся и не сказал: «Ребята, все, что вы видите, все, чем пользуетесь, в чем ходите, — все это сделано, в конечном счете, человеческими руками. И блоку Левша подковал руками, и Царь-пушку отлили руки мастеров. И вы научитесь, будете тоже мастерами, а когда в ваших руках окажется вещь, такая же точная, как купленная в магазине, вы сразу почувствуете ее счастливую, ибо радость при виде только созданного — высшая радость и счастье».

Но как сделать, чтобы труд для ребят был реальной радостью? Как сделать, чтобы первое впечатление от труда осталось приятным, чтобы первое дело влекло к его продолжению, чтобы оно не думалось? — вот вопрос. Ребята не давали мне отдыха. Подготовили помещение для мастерских, рассуждали о планах, готовились поехать к шефам за инструментом. Намечались профессии, размышлялись влечения. Такой энтузиазм ребят воодушевил меня, я молодею вместе с ними. Весь свой инструмент, который годами собирал и хранил, я принес в школу. Но обеспечить им одним всех было

О КРАСОТЕ ТРУДА

ПИСЬМО
ЛЕОНИДУ ЛЕОНОВУ

невозможно. Тогда решили: пусть каждый принесет в школу то, что может, из дома. Принесли тушечные топоры с топориками, как отбоя, оббитые молотки, похожие больше на кузавы каменотесов или музейные экспонаты, ржавые калены и пастбища, которыми хозяйка, видимо, пользовалась как молотком, пилы без зубьев... И никто не принес железки, похожей на настоящий инструмент. Ужас обуял меня тогда жутче, чем если бы я увидел, что человек наших дней режет хлеб каменным ножом!

Нас в семье три брата, и все мы будто родились с железной соской. Так привязан каждый из нас к ремеслу. Было время, суя по книгам и журналам, когда ручному труду уделялось много внимания. Были специальные выпуски — «Ремесла на дому», «Сам себе мастер», «Сам себе агроном». В журналах «Радиоприемник», «Хочу все знать», «Наука и техника» много было интересного материала, практических советов и наставлений по различным ремеслам.

Прошли десятилетия. Сейчас на полках книжных магазинов можно в изобилии увидеть всевозможные «Памятки» — маляров, кузнецов, слесарей. В этих памятках, кроме сухого обзора опыта передовиков, нет ничего. Потом идет глава об оплате труда, об организации рабочего места, вопросах нормирования и т. п. Но это ни для ума, ни для сердца. Такие пособия нужны разве лишь для увеличения фонда заводской библиотеки.

Порой мне кажется, будто сидит в издательстве бабушка в очках, заведующая по совместительству отделом слесарных игрушек, около нее — помощники по областям всевозможных знаний...

Иван Иванович, — говорит она, — тема «Изделия из органического стекла» подходит больше для вас, вы же химик. Соберите материал для книжечки.

Иван Иванович сам отродясь ничего не сделал своими руками, кроме детского свистка или трубки для пугания зеленой бузины, но начинает писать «практическое руководство». Вы почитайте и найдете там, что если плексиглас нагреть в горячей воде, то он становится мягким, и из него можно делать всевозможные вещи. Но, боже упаси, чтобы этот «химик» рассказал о способах получения органических красителей для органического стекла! Более или менее дельные советы

можно получить лишь в «Юном техникуме» или в журнале «Радио».

Мы много пишем, думаем, мечтаем воспитать из детей людей труда. Но ведь иной молодой человек никогда не держал молотка в руках, не может починить утюг, прибить каблук к башмаку. По-настоящему человек оценит труд только тогда, когда хоть что-нибудь доведет до конца. Это как раз и упускается.

Любо смотреть, когда со станка токаря сходит готовая деталь. Рабочая уверенность, сноровка, ритм, умение — это чертовски захватывающее зрелище не только для ребенка!

Приучая человека к труду, нужно, во-первых, приучить его к инструменту. Мало того, что он научится различать инструмент и не будет стамеской рубить сталь. Мало и того, что он научится держать его и работать им. Нужно, чтобы он полюбил инструмент...

В Москве есть магазин инструмента на улице Кирова. Если вы там бывали, то сообразитесь — ждать от него вам нечего. Я не знаю, как не советую держать магазин для продажи инструмента и не иметь, что пролат? На вид — вроде полно железок, но мастеровой человек предпочитает ходить по хозяйственным и скобяным магазинам — авось там быстрее появится какая-нибудь новинка, вроде замысловатого комбинированного полумолотка-полутопора или тридцатиреберной отвертки с трещоткой. А на улице Кирова все по-прежнему — те же зубилки, пробойники, ружейки...

Одного краснодеревщика увидел как-то с пилой и пробовал у него ее купить, тогда он ответил, что это не пила, а хлеб, и что «этот инструмент» и завтра его напоит и накормит.

Любовь мастера к инструменту трудно описать. Каждый мастер так привязывается к своему инструменту, что когда он его терит, то долго не может работать другим.

Когда я работал в инструментальном цехе одного завода, через мои руки прошли сотни нормалей на обычный инструмент. Сделавшись с любовью отвертку — она к тебе словно приросла, такая и сниклась. Но вот выпустили в Челябинске два размера отверток. На вид они похожи на отвертки: одна маленькая, вроде как для швейных машинок, другая большая, хоть не совсем слесарная, но для радиомастера годилась бы. Ан, нет! Ручка у нее от маленькой отвертки! И смех, и грех...

Лишь на заводах в какой-то степени существует культура труда, но вот ручной труд в загоне. Автоматы автоматами, но и они делают слесарями, а слесари-то как раз и не хватает хороших инструментов. Если вы сочтете, что я поклонник ремесленничества, то это не так. Я только признаю стремление каждого того-то поделаться дома, для себя ли, для других ли. В конце концов, будущее наклонности рождаются именно в процессе самостоятельного труда и определяются по большому числу удач в том или ином деле. Если бы Яковлев в детстве не сделал бы ни одной удачной модели самолета, то вряд ли он стал бы знаменитым авиаконструктором.

По-моему, нужно теперь говорить об эстетике труда, нужно создать для нее условия.

Вот такой отклик напросился у меня на вашу заметку об эстетике труда.

Р. ГОРЕЛОВ,
слесарь-машинист

КОСТИНО

Е. ПЕРМИТИН

Всю мою жизнь я прожил рядом с Чеховым, видя его перед собой, слыша его голос. С поры раннего детства, когда я влюбился в его изумительную «Баштанку», и до сих пор всегда стоит передо мной на полке томик с любимыми его неповторимыми произведениями.

Встречаясь с молодыми писателями, пишу пример мастера, я всегда их учу, показывая произведения Чехова. Из богатой сокровищницы великого писателя можно всегда выбрать то, что может учить молодежь.

Мы празднуем столетие жизни Чехова, именно жизни среди нас, для нас, для всего свободного человечества. Обличающий и необычайно чуткий, искренний талант великого писателя учил и помогал жить многим поколениям

русских людей. Вряд ли кто-нибудь из писателей не прошел своего «курса обучения» у Чехова. Все мы так или иначе учились у него. И сегодня нас согревает живое, обжигающее его слово. Он — вечно живой среди нас.

А. ЛЕБЕДЕНКО

С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ А. П. Чехова, как и других классиков литературы, я познакомился в детстве, уже взрослым. Причиной тому — тяжелые условия жизни в юности. Должен сказать, что из всех прочитанных мной произведений мировой классики самыми близкими и нужными были и остаются по сей день книги Антона Павловича Чехова.

В. Н. БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

Сергей НИКИТИН